

Р. С. Бобохонов

«МУЖСКИЕ КЛУБЫ» КАК ИНСТИТУТ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ТАДЖИКИСТАНЕ (XX В.)

Аннотация. Данная статья является первой научной исследованием на тему «Мужские клубы» как институт гражданского общества в Таджикистане (XX в.). По мнению автора, эта тема в силу своей не изученности и научной значимости требует детального изучения по следующим причинам: во-первых, основное мужское население республики вторую половину XX века большую часть своего свободного времени (особенно зимнее время года) проводило в этих клубах. Во вторых, участие многих мужчин в общественно-политической жизни республики на общественных началах начиналась именно с ежедневного посещения (в основном в вечернее время) данных заведений. В третьих, драматические события, происходившие в Таджикистане в конце 80-х и начале 90-х годов, напрямую связаны с действующими в то время на всей территории этой республики мужскими клубами. Поэтому подробное изучение этой проблемы в контексте общих этнополитических процессов в Таджикистане в конце XX века в последнее время приобретает все большее значение.

Ключевые слова: история, общество, Таджикистан, клуб, мужчины, институт, этнополитика, обсуждения, обряды, праздники.

Проблема «мужских клубов» в Таджикистане в отечественной историко-этнографической науке освещена очень слабо. Специальных работ по этой теме нет. В то же время достаточно полно описаны и проанализированы традиционные «мужские дома», которые еще существовали в конце XIX и начала XX в. у горных таджиков (как и у других народов Средней Азии)¹. В частности, им посвящена монографическая работа Р.Р. Рахимова «Мужские дома в традиционной культуре таджиков»². Полевой материал автор собирал в начале 70-х гг. XX в. у таджиков северных районов республики – на территории Уратьюбинского, Ганчинского, Хаджентского, Исфаринского, Канибадамского, Аштского, Пенджкентского и Айнинского районов Ленинадской области Таджикской ССР. Р.Р. Рахимов пишет о «мужских домах» как о явлении прошлого, ныне исчезнувшем, утверждая, что они оказались не в состоянии удовлетворить потребности новой жизни, нового общественного строя. Вследствие этого уже в первые годы после установления Советской власти они в основном утратили свою былую общественную значимость. По мере

укрепления нового общественного устройства происходило постепенное отмирание многих прежних функций «домов для мужчин». Сначала деятельность их членов свелась лишь к совместным обедам, а затем, в первые послевоенные годы, они вовсе прекратили существование. Помещения бывших «мужских домов» были переоборудованы под учебные классы, торговые точки, медпункты, а кое-где – под складские помещения. В некоторых селениях в них разместились сельсоветы. «В этнографической современности, – заключает свою мысль автор, – сохраняются лишь традиции «мехмонхона» («гостевой дом») при частном доме»³.

Многочисленными свидетельствами подтверждаются различия в типах помещений для объединений мужчин, в их названиях, в их правовом статусе у разных групп таджиков⁴. Один из типов помещений для объединений мужчин назывался «аловхона» или «алоу-хона» («дом огня»). Об этом пишет другой автор, Н.А. Кисляков⁵. «Аловхона», по его

¹ Снесарев Г.П. Традиция мужских союзов в ее позднейшем варианте у народов Средней Азии//МХЭ. – Вып. 7. – М., 1963. – С. 170

² Рахимов Р. Р. «Мужские дома» в традиционной культуре таджиков/АН СССР, Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. – Л.: Наука, Ленингр. Отд-ние, 1990.

³ Рахимов Р. Р. «Мужские дома» в традиционной культуре таджиков/АН СССР, Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. – Л.: Наука, Ленингр. Отд-ние, 1990.

⁴ Снесарев Г.П. Традиция мужских союзов в ее позднейшем варианте у народов Средней Азии//МХЭ. – Вып. 7. – М., 1963. – С. 170

⁵ Кисляков Н. А. Аловхона – «дом огня» у таджиков // Основные проблемы африканистики: К 70 – летию члена-корреспондента АН СССР Д. А. Ольдерогге. – М., 1973

мнению, как «своеобразный атрибут общины сохранился у горных таджиков вплоть до 40-х гг. XX в. и неоднократно привлекал к себе внимание этнографов». В Каратегине и Дарвазе вплоть до 70-х гг. XIX в., т.е. до времени присоединения этих районов, бывших ранее независимыми владениями, к Бухарскому ханству, хонако (место молитвы) вообще не было. В ряде кишлаков функцию мечети (как помещения для молитвы) выполняла алоухона, для чего в ней устраивали михроб (место, где мулла читает азан во время коллективного намаза). Однако сразу после установления в крае власти эмира Бухары его наместник Худой Назар Аталык признал такое положение противоречащим мусульманскому благочестию и повелел повсеместно рядом с алоухона возводить хонако. Н.А. Кисляков еще в 1936г. довольно подробно описал функции «мужских домов» аловхона у горных таджиков Вахио-Боло. В его трудах очерчена область распространения аловхона в его классической форме – «горные районы Восточной Бухары -долина р. Сурхоба (Каратегин), долины рек Хингоу и среднего Пянджа (Дарваз), горные местности по верховьям рек Кизыл-су и Ях-су и Гиссарская долина». Об аловхона в Каратегине и Дарвазе еще в конце XIX века писал Г.А. Арандаренко⁶. Л.Ф. Моногарова⁷ пишет, что в Язгулеме «в прошлом» помещение современной мечети являлось общим домом для гостей и, как алоу-хона горных таджиков, местом общественных трапез и увеселений для мужчин». Развивая эту мысль, М.А. Хамиджанова⁸ утверждает, что «в Матче в наиболее старых мечетях отдельной алоухона не было, и ее функции выполняли сами здания мечети». Подробные сведения о традиционных «мужских домах» горных таджиков содержатся в трудах М.С. Андреева⁹. Интересные материалы о по-

добных домах мы находим и в других работах советских этнографов [Гинзбург,1937; Нурджанов,1956; Писарчик,1970 и др.].

Как мы видим, все исследования, касающиеся проблемы традиционных «мужских домов» в Таджикистане, посвящены лишь периоду второй половины XIX – первой половины XX вв. Почему изучение этой темы в хронологическом плане не продвинулась дальше? Как уже упоминалось, Р.Р. Рахимов не отрицает тот факт, что после исчезновения «мужских домов» в первые послевоенные годы мужчины продолжали собираться в «мехмонхона» («гостевом доме») при частных домах¹⁰. Тогда почему тот же Р.Р. Рахимов ничего не пишет об эволюции этой интересной традиции горных таджиков во второй половине XX в.? Почему Н.А. Кисляков [1954; 1966], А.К. Писарчик [1970; 1976], М. Рахимов [1954; 1957; 1959], изучая таджиков Каратегина и Дарваза после войны, не пишут о том, что «мужские дома» вовсе не исчезли, а лишь трансформировались в небольшие «мужские клубы», и, таким образом, многолетняя борьба советской власти против религиозных центров и «мужских домов» не приносила результатов? Более того, никто из советских исследователей не пишет о том, что в 60-70 гг. XX в. советская власть сама участвовала в строительстве новых больших «мужских клубов» во многих горных регионах республики, для того чтобы держать эту многовековую традицию «собрания мужчин» под своим идеологическим контролем.

Проблема «мужских клубов» в Таджикистане требует детального рассмотрения не только в силу своей не изученности и научной значимости, но и по следующим причинам: во-первых, основное мужское население республики вторую половину XX века большую часть свободного времени (особенно зимнее время года) проводило в этих клубах. Во-вторых, участие многих мужчин в общественно-политической жизни республики начиналось именно с ежедневного посещения (в основном в вечернее время) данных заведений. В-третьих, драматические события, происходившие в Таджикистане в конце 80-х – начале 90-х годов напрямую связаны с действовавшими в то время на всей территории республики мужскими клубами. Поэтому подробное

⁶ Арандаренко Г. А. Дарваз и Каратегин// Военный сборник. – С. – Петербург, 1883. – №12

⁷ Моногарова Л.Ф. Материалы по этнографии язгулемцев// Среднеазиатский этнографический сборник. – Вып.2 «Труды ИЭ АН СССР». – Т. 17 – 1959

⁸ Хамиджанова М.А. Материальная культура таджиков до и после переселения на вновь орошенные земли. – Душанбе, 1974.

⁹ Андреев М.С. По этнографии таджиков // Таджикистан (общество для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами). – Ташкент. 1925. – Кн.1. См. так же Андреев М.С. По этнологии Афганистана. Долина Панджшир. (Материалы из поездки в Афганистан в 1926 году). – Ташкент, 1927

¹⁰ Рахимов Р. Р. «Мужские дома» в традиционной культуре таджиков/АН СССР, Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. – Л.: Наука, Ленингр. Отд-ние, 1990

изучение этой проблемы в контексте общих этнополитических процессов в Таджикистане в конце XX века также приобретает большое значение.

В данной работе автор, прежде всего, опирается на собственные полевые материалы, которые собирались в 80-х – 90-х гг. XX в. и начала XXI в. в населенных пунктах Каратегинской долины (Гармский, Таджикабадский, Комсомолабадский, Тавильдаринский и Джиргатальский районы (районы республиканского подчинения). В этих районах живут в основном горные таджики. В этнографических исследованиях этих таджиков называют «жители Каратегина». Во многих селениях автор общался с информантами – в основном стариками, которые помогли восстановить историческую картину советского и постсоветского периода существования мужских клубов в Таджикистане.

В ходе полевых исследований были выявлены некоторые специфические моменты, связанные с историей возникновения мужских клубов и особенностями социального портрета их посетителей в разных селениях данного региона. Также было отмечено, что, с одной стороны, существование некоторых таких клубов закономерно (этого требует традиционный образ жизни таджиков, наличие «мужских домов» «аловхона» во всех горных селениях республики до середины XX в.), тогда как с другой стороны, часть клубов возникла во 2-ой половине 20-го столетия вследствие культурно-идеологической политики Коммунистической партии и советского правительства в горных районах республики. Советская власть на всей территории Советского Союза, в том числе в Таджикистане активно боролась с религией и религиозными институтами. В результате во всех горных районах республики в 30-е – 40-е годы XX века были практически полностью уничтожены мечети и «мужские дома». Исключение составили крупные города равнинной части республики, где было разрешено строительство нескольких крупных религиозных центров (мечетей), взятых, однако, под жесткий идеологический контроль.

По рассказам стариков, во многих селениях Каратегинской долины в 40-е и 50-е годы спустя несколько лет после закрытия «мужских домов» постепенно возникали мужские клубы. В каждом селении существовало несколько домов, где все мужское население (кроме больных и инвалидов) прилегающих улиц, достигшее 18 лет, собиралось за ужином в большой комнате. Не было фиксированного членс-

тва или рекомендации других членов клуба. Нового молодого (будущего члена, достигшего 18 лет), как правило, приводил в клуб либо отец или ближайший родственник. Ответственность за его поведение в первое время пребывания в клубе (адаптационный период длился от одного до трех месяцев), согласно нормам «Одата» нес он же. Во время адаптационного периода новый молодой член клуба должен был вести себя следующим образом: сидеть ближе к входной двери, наливать всем чай, не вступать в диалог с другими членами клуба, пока его не спросят, не прерывать старших во время разговора, уходить последним, помочь убирать со стола и т.д. Эти собрания проводились строго с 18-19 до 22-23 часов в зимнее время (ноябрь-апрель) после завершения всех сезонных и полевых работ. Во время встречи обсуждались социально-экономические, общественно-политические, семейные и правовые вопросы как на уровне махалла (квартал), так и на уровне всего населенного пункта (кишлак, поселок, районный центр). Обсуждались также вопросы образовательной системы, организации календарных праздников, свадебных, родильных, похоронно-поминальных обрядов и т.д. По истечении основного времени совместного ужина молодежь и мужчины среднего возраста расходились по домам, старики же оставались для совершения последнего вечернего коллективного намаза (молитвы – «хуфтан»).

Ужин организовывался следующим образом: члены клуба по очереди согласно норме обычного права – «навбат» (очередность) приносили еду для всех членов клуба. Сам ужин состоял из первого или второго блюда, нескольких свежеепеченных лепешек (традиционный таджикский хлеб из пшеничной муки толщиной 3-6 см и диаметром 25-40см), свежих овощей и фруктов, зелени, сухофруктов, кондитерских изделий к зеленому чаю. Первое горячее блюдо подавали в больших глубоких деревянных плошках из местного бамбука или тутового дерева), второе блюдо – на больших неглубоких керамических или металлических тарелках, рассчитанных на 5-7 человек. Распивать спиртные напитки категорически запрещалось. За обслуживанием и порядком в процессе ужина следил сам хозяин дома или его старший сын. В знак благодарности члены клуба исключали из общего списка «навбат» хозяина дома, а также оставляли ему часть ужина, поскольку хозяин дома непосредственно в ужине не всегда участвовал и больше следил за обслуживанием и порядком.

Что касается обсуждения социально-экономических проблем, то чаще всего речь шла о разрешении каких-то проблем, возникших у того или иного члена клуба на работе. Например, любой член клуба мог рассказать о своих взаимоотношениях с коллегами, разногласиях с начальством и т.п. Выслушав его, члены клуба горячо обсуждали тему, каждый мог описать аналогичную ситуацию из своей жизни и в конце дать полезный совет, как разрешить данный конфликт, спор, недопонимание. Обсуждались также более широкие проблемы, касавшиеся всего совхоза или колхоза. Высказывались различные мнения по поводу итогов соревнования между бригадами сельскохозяйственных рабочих в том или ином виде деятельности. Могли хвалить или осторожно критиковать деятельность того или иного руководителя. Один наш информант, Саид Шо, 84 лет, бывший пчеловод из населенного пункта Хумдон, входившего в состав «Племсовхоза» Комсомолабадского района, рассказал следующую историю. Еще в начале 50-х гг. к ним в клуб ходил с двумя взрослыми сыновьями восьмидесятилетний старик по имени Обид. Он часто критиковал деятельность тогдашнего директора совхоза, однако никакого наказания за эту критику не последовало.

Среди общественно-политических тем, которые обсуждались в начале 50-х гг. в этих клубах, ведущее место занимала тема принудительной миграции жителей небольших горных селений в равнинную часть республики в рамках большой программы освоения новых площадей под хлопчатник на юге республики. Азам (82 года, бывший бригадир бригады сельскохозяйственных рабочих) из селения Сари-Пул Гармского района рассказывал, что к ним в клуб в 1956 году ходил мужчина 40 лет по имени Ваххаб вместе со своим родственником, который был родом из Дарай-Комаров. Он говорил, что из этого горного ущелья Гармского района на юг республики, в Кургантюбинскую область были полностью выселены жители нескольких небольших населенных пунктов. Другой старик, Сангак (78 лет, бывший бухгалтер) из селения Муджахарф Комсомолабадского района, рассказывал следующую историю. В середине 50-х гг. к ним в клуб часто ходил молодой (около 20 лет) учитель истории местной школы Карим вместе со своим отцом. Этот молодой человек выделялся своей образованностью. Карим учился на заочном отделении Сталинабадского педагогического института и часто возвращался из столицы с

последними новостями. Именно от него односельчане узнавали о смерти Сталина, развенчании культа личности, реформах Хрущева и т.д.

Одной из любимых, наиболее часто обсуждавшихся тем в мужских клубах того времени была семейная. В рамках же этой большой темы основное внимание уделялось проблемам воспитания детей. Каждый член клуба мог долго рассказывать о своей многодетной семье (по свидетельству большинства наших информантов в эти годы в семьях горных таджиков было не меньше 5-6 детей). Старики говорили о преимуществах традиционных методов воспитания и часто могли дать полезные советы молодым отцам, как «правильно» воспитывать детей. Иногда возникали жаркие споры о «хороших» или «плохих» детях. Эти споры даже могли возникнуть из-за банальной случайности. Например, если кто-то из детей одного из членов клуба на улице увидел кого-то из членов этого же клуба и не поздоровался с ним, намеренно или нет, то данное «обстоятельство» могло стать предметом вечернего спора. Осуждали некоторых родителей, дети которых нарушали норму обычного права «хурмат» (уважение старших). Один из наших информантов по имени Аскар (68 лет, бывший механизатор) из населенного пункта Дехаи-Таг Комсомолабадского района рассказал на эту тему интересную историю. В начале 50-х гг. он вместе со своим братом по имени Бозор, который был младше него на 2 года, ходил в местный клуб. Бозор часто подвергался жесткой критике со стороны многих членов этого клуба из-за плохого поведения его старшего сына Аслиддина – «трудного» ребенка, часто ругавшегося со своим отцом, с соседями, даже со стариками. Бозор не мог долго выдерживать этой постоянной критики и надолго перестал ходить в клуб. Только в начале 60-х гг., когда построили новый большой клуб, он стал посещать его.

Толкование норм обычного права – «адата» – было любимым занятием членов клубов. Особенно этим любили заниматься старики. Вопросы такого рода часто обсуждались при возникновении правовых коллизий при соблюдении той или иной нормы обычного права в повседневной жизни членов клуба, или когда проявлялись противоречия между нормами обычного права и шариата («исламского законодательства»). Наиболее часто толковались такие нормы обычного права, как «одоб» («правильное поведение»), «хурмат» («уважение старших»), «хайр» («пожертвование»), «бахшиш» («прощение»), «ша-

раф» («честь и достоинство»), «дилсузи» («сочувствие»), «дильбардори» («моральная поддержка»), «рафокат» («товарищество»), «саховат» («щедрость»), «хиянат» («предательство») и т.п. Джемшед (72 года, бывший зоотехник) из районного центра Тавильдары рассказывал, что в начале 60-х гг. местный клуб часто посещал учитель таджикского языка и литературы Ашур, которому тогда было примерно 23 года. Несмотря на молодость, он умело и красиво толковал нормы обычного права. Более того, он часто цитировал классиков таджикско-персидской поэзии, которые затрагивали нормы обычного права в своих произведениях. Даже старики часто прислушивались к его мнению. По словам Джемшеда, во время гражданской войны начала 90-х гг. Ашур погиб в Кургантюбинской области, где находился в гостях у своих родственников.

Вопросы общеобразовательной системы также часто обсуждались в местных клубах. Поскольку среди членов того или иного клуба были преподаватели местных школ, отцы старались с их помощью быть в курсе всех событий, происходивших в местной школе. Совместно с преподавателями-членами клуба они следили за посещаемостью и успеваемостью своих детей. Классные руководители непосредственно общались с отцами своих учеников именно в клубах. Поэтому родители могли не посещать школу и официальные родительские собрания в школах не всегда проводились. Азиз Саторов (74 года), который в 60-е годы был директором средней школы №2 населенного пункта Кабутиен Комсомолабадского района, рассказал следующее: все учителя (мужчины) его школы вместе с ним постоянно посещали местный клуб, и именно в клубе успешно решались многие проблемы, которые возникали в педагогическом процессе.

Горячо обсуждались в местных клубах и вопросы подготовки и проведения календарных праздников. Сами праздники, которые отличались масштабностью, из-за ограниченного количества членов клуба и небольшого помещения в самих клубах не отмечались. Зато там проводились мероприятия по подготовке и проведению этих праздников. Также разрабатывались планы взаимодействия во время праздника с членами соседних клубов в рамках совхоза или колхоза. Основные календарные праздники были следующие: Новый Год, день Советской Армии (23 февраля), 8 марта, Навруз (21 марта – день весеннего равноденствия), 1 мая, 9 мая, 7 ноября и

праздник в честь основания совхоза, поселка, районного центра (мусульманские праздники «Рамадан» и «Курбан» не отмечали даже нелегально). Официальная часть праздника (митинги, собрания, концерты, народные спортивные игры, такие как «гуштин» – вольная борьба, «пойга» – скачки на лошадях, «бузкаши» – козлодранство и т.д., организовывалась органами советской власти. Официальная часть праздника происходила на главной площади населенного пункта или в зале местного дома культуры. Праздничные обеды организовывались совместными усилиями местных клубов на площади во время народных спортивных игр. К середине 60-х гг. основные торжественные мероприятия календарных праздников (кроме народных спортивных игр) проводились в новых больших мужских клубах (об этом см. подробнее ниже). Старик Уджабоев (79 лет, бывший директор «Племсовхоза») сообщил, что когда он руководил совхозом (в 50-е гг.), благодаря его «предыдущей работе» (в ЦК Компартии республики), к нему на праздники в совхоз приезжали известные артисты из Сталинабадской государственной филармонии. Праздники он устраивал пышные и запоминающиеся, так что на праздники в его совхоз приезжало много людей из соседних деревень.

Другая не менее интересная и важная для местных жителей тема, которая иногда обсуждалась в местных клубах, – совершение свадебных обрядов. Свадьба у горных таджиков – это огромное событие не только для двух семей, но и для всего небольшого населенного пункта. Почти все его жители населенного пункта приглашались на свадьбу, часть из них принимала непосредственное участие в ее подготовке. В некоторых горных селениях число участников и приглашенных на свадебную церемонию достигало 1000 чел. Поэтому сама свадебная церемония в небольших помещениях местных клубов не проводилась. Более того, на свадьбах были женщины, включая невесту, а в мужской клуб женщины ходить не могли. В дальнейшем, когда в 60-е и 70-е годы строились новые большие клубы, ситуация изменилась (об этом см. подробно ниже). О свадьбе начинали говорить лишь тогда, когда один из членов клуба решал женить сына или выдать замуж дочь. Прежде всего, обсуждался выбор жениха или невесты. Некоторые члены клуба могли порекомендовать в качестве предполагаемого жениха или невесты своих взрослых детей или детей своих родственников, друзей, знакомых, в том числе в других регио-

нах республики. Процесс поиска и выбора будущего жениха или невесты иногда продолжался несколько месяцев. В течение этого времени ход дела периодически обсуждался в местных клубах. После же окончательного выбора жениха или невесты члены клуба совместно определяли размер «калыма» («приданое»), назначали дату свадьбы, составляли список ее гостей и участников. Все члены клуба в обязательном порядке приглашались в качестве организаторов или участников свадьбы. Наш информант Хасан (73 года, бывший работник торговли) из населенного пункта Навобод Гармского района рассказал такую историю: В 1957 году, будучи в гостях у своих родственников на юге республики в Кургантюбинской области, он посватал для своего сына невесту из семьи друзей этих родственников. Свадьбу назначили через месяц. За 5-6 дней до начала свадьбы он вернулся в свое родное село Навобод и пришел в местный клуб, чтобы сообщить эту новость. Многие члены клуба удивились и сразу не поверили ему. В результате большинство членов клуба так и не явились на свадьбу.

Рождение ребенка у того или иного члена клуба становилось праздником для всего клуба. В день рождения ребенка или на следующий день в местном клубе в обязательном порядке организовывали торжественный ужин. Во время ужина отца новорожденного горячо поздравляли и вручали ему подарок, купленный на деньги, собранные со всех членов клуба. Часто члены клуба участвовали в дискуссии, в результате которой ребенку выбирали имя. Нередки были случаи, когда во время торжественного ужина новорожденного мог посватать для своего ребенка другой отец в рамках нормы обычного права «гахворабахш» (помолвка с рождения). Отцы в присутствии всех членов клуба могли в устной форме договориться о том, что когда их дети вырастут, их обязательно поженят и сыграют свадьбу. В действительности в силу различных обстоятельств эта норма не всегда соблюдалась. Так, Хаял (71 год, бывший строительный рабочий) из районного центра Джиргатал рассказал, что в 1954 году во время торжественного ужина в честь рождения его дочери Зухры в местном клубе один из членов клуба по имени Сафарали (сельскохозяйственный рабочий) посватал его дочь для своего четырехлетнего сына Хуршеда. Хаял согласился, но через 3 или 4 года семья Сафарали переехала на юг республики, в Кургантюбинскую область в рамках программы

принудительной миграции. Больше он этих людей не видел; когда Зухра выросла, она вышла замуж за другого человека.

Обсуждалось и проведение обряда обрезания у мальчиков («халал кардан», «чукбурон»). Обрезание проводилось не позже, чем через 5 лет после рождения ребенка (обычно – через 2-3 года) в доме члена клуба (отца обрезаемого ребенка). Операцию проводил «усто» (местный знахарь) в присутствии всех членов клуба. Сам усто либо являлся членом данного клуба, либо был приглашенным из другого клуба. Действие происходило в большой комнате около полудня. Присутствие женщин и других детей категорически запрещалось. Обрезанного мальчика (в многодетных семьях обряд совершали одновременно над двумя-тремя мальчиками) горячо поздравляли и преподнесли ему подарок. Вечером этого же дня в местном клубе подавали торжественный ужин. Вот рассказ информанта Шарифа Кодырова (72 года, бывший сельскохозяйственный рабочий) из населенного пункта Тегирми Комсомолабадского района. В 1954 году в его доме в присутствии всех членов местного клуба проводилась процедура обрезания двух его сыновей: пятилетнего Самада и трехлетнего Гуляма. Для совершения обряда позвали усто из другого населенного пункта, поскольку в своем не было. Через неделю у младшего на месте обрезания началось воспаление. Пришлось вызвать скорую помощь и везти ребенка в районную больницу, где он пролежал около месяца. Усто оказался не мастером своего дела, и его больше к ним в деревню не приглашали.

Вопросы, связанные с похоронно-поминальной обрядностью, также обсуждались в местных клубах. Если умерший был бывшим членом местного клуба или являлся ближайшим родственником кого-то из членов клуба, то весь цикл похоронно-поминальных обрядов (прощание с умирающим, подготовка тела, оплакивание, обряды раздела наследства-тарака и искупления грехов-давра, обмывание, переодевание в саван, вынос тела на погребальных носилках, захоронение, поминовение) организовывались совместными усилиями всех членов клуба. В отличие от свадебных, поминальные обряды проводились строго в местных клубах. На третий день после похорон организовывали торжественный поминальный ужин в честь умершего. Такие же поминальные ужины в дальнейшем организовывались на седьмой и сороковой дни, в годовщину смерти. Информант по имени

Хайрулло (74 года, бывший врач-ветеринар) из населенного пункта Чорсада Комсомолабадского района рассказал, что в конце 50-х гг. к ним в местный клуб ходил школьный учитель Сангак (45 лет), у которого в результате автокатастрофы погиб молодой сын Сафар (22 года, механизатор). Когда на третий день после похорон организовали торжественный поминальный ужин, никто не притронулся к еде в знак особой скорби.

Местная советская власть всегда была в курсе всех событий, происходивших в том или ином клубе. С одной стороны, членом клуба мог быть сам представитель власти, с другой стороны, кто-то из членов клуба являлся информатором или агентом-осведомителем. Поэтому антисоветская пропаганда жестко преследовалась. Религиозная тематика иногда обсуждалась в рамках общих нравственных позиций, регламентирующих традиционные бытовые отношения и образ жизни самих членов клуба. Изначально власть выступала категорически против вечернего коллективного намаза (молитвы «хуфтан»). Позже старикам негласно разрешили оставаться после ужина для его совершения.

Таким образом, возникновение мужских клубов в 40-е и 50-е гг. XX века в горных, затем и в других районах Таджикистана было закономерно и являлось своеобразным ответом населения на политику государства по уничтожению религиозных центров, мечетей и «мужских домов» в этих районах республики.

В начале 60-х гг. началось массовое строительство новых больших мужских клубов в горных селениях республики. Преследуя свои идеологические цели, само государство активно включилось в строительство новых клубов. Государство хотело создать «официальные» клубы, чтобы противопоставить их «самодельным» и закрыть последние, сказав: «ведь есть официальные клубы, в них и ходите». При строительстве учитывались следующие факторы: тип населенного пункта (небольшое или большое селение, поселок, районный центр), местность (точка пересечения нескольких улиц), численность взрослого мужского населения, возможности использования помещений клубов в других целях (организация митингов, выборов в органы местной власти, проведение лекций общества «Знание», концертов, комсомольских свадеб» и т.д.).

Во всех горных районах республики социальная, экономическая и культурная жизнь населения

протекала в совхозах (колхозы функционировали в хлопководческих равнинных районах республики и были богатыми с точки зрения финансово-хозяйственной деятельности; совхозы, как правило, могли быть убыточными и дотационными и соответственно они географически могли охватить лишь горной местности республики. -автор). Несколько селений образовывали один совхоз, специализировавшийся на нескольких видах деятельности: животноводстве, садоводстве, овощеводстве, пчеловодстве, шелководстве и т.д. Как правило, совхозы имели административные и культурные центры в самом большом селении. Другие населенные пункты в условиях горной местности оставались в стороне от общественно-политической и культурной жизни всего хозяйства. Поэтому создание мужских клубов в отдаленных местностях имело двойное значение: с одной стороны, эти клубы могли стать общественно-политическим и культурным центром каждого селения в отдельности, с другой стороны, с их помощью советская власть полностью контролировала этнополитическую ситуацию во всем регионе. Чтобы читатель смог лучше представить себе эту картину, приведем следующий пример. Совхоз «Самсолык» входил в состав Комсомолабадского района. Сам совхоз объединял следующие населенные пункты: Кабутиен и Дехаи Таг(обе составили административный центр), Ульфатобод (2 км от центра), Шербегиеи (2 км), Кальназар (2 км), Дахана (8 км), Сари-Пул (19 км), Пандовчи-1 (17 км), Пандовчи-2 (21 км). Примерно на таких же расстояниях от административных центров находились другие населенные пункты, которые входили в состав совхозов «Чорсада», «Яхч», «50 лет Октября», «Племсовхоз» этого района. В условиях горной местности подобные расстояния очень существенны. В каждом населенном пункте в зависимости от численности населения было построено не менее одного нового большого мужского клуба.

Новые мужские клубы по многим параметрам отличались от выше описанных традиционных клубов. Это были возведенные специально под клубы большие, просторные одноэтажные здания размером от 15х25х4 м до 30х50х6 м, занимавшие отдельную, огороженную территорию с несколькими хозяйственными постройками. Площадь земельного участка в зависимости от размера самого здания клуба достигала свыше 1 га. Новые мужские клубы функционировали круглый год: в зимнее время по-прежнему собиралось активное мужское население (за

ужином, либо за праздничным обедом), в остальное время года клуб посещали в основном люди пенсионного возраста. На общем заседании членов клуба избирался председатель сроком на один год, обозначились его общественные функции, как правило, это был мужчина пенсионного возраста. Следует отметить, что до этого у клубов председателей не было. Также избирали заместителя председателя клуба из числа мужчин пенсионного возраста и принимали его на постоянную работу в должности заведующего. В зимнее время года в качестве помощников заведующего на общественных началах назначали от двух до четырех человек. Помимо организации ужина члены клуба платили ежемесячный взнос в фонд заработной платы заведующему клубом, совместно оплачивали организацию праздничных обедов или других мероприятий. Сам ужин организовывался по той же норме обычного права – «навбат». Круг обсуждаемых вопросов за ужином был тем же. В самой организации досуга произошли некоторые изменения. После ужина играли в шахматы, шашки, домино, лото. Организовывались литературные чтения, прослушивание народных музыкальных произведений в исполнении самих членов клуба, просмотр кинофильмов и т.д. В новых клубах власть категорически запрещала организацию и проведение коллективных намазов. Параллельно с этим в административных центрах каждого совхоза существовали и функционировали в рабочее время суток дома культуры, библиотеки, дом пионеров и т.д.

Землю под строительство клуба выделяла местная власть. Основные затраты по приобретению строительных материалов также несла она. Само здание клуба строилось по замыслу одного или нескольких местных мастеров, поэтому с точки зрения архитектуры клубы сильно отличались друг от друга. Снаружи и внутри здания располагались большие деревянные колонны, различные по количеству и форме. Каждая колонна украшалась резным орнаментом. Двери, окна и внутренний интерьер каждого здания также отличались друг от друга. Будущие члены клуба принимали активное участие в строительстве. Клубы строились быстро, за один сезон. Все выходные дни активное мужское население по другой норме обычного права – «хашар» (безвозмездное участие в коллективных работах) были заняты строительством на общественных началах. После завершения строительства устраивали большой праздник в честь открытия клуба.

Новые клубы, различаясь по размерам, могли одновременно вместить от 50 до 200 человек. Каждый клуб имел дополнительные площади на 15-20 мест для неожиданных гостей или будущих новых членов. В клуб мог зайти любой взрослый мужчина, вплоть до случайного прохожего, в том числе не местный житель и даже не таджик. Ему оказывали гостеприимство. Во время праздников, особенно свадеб, клубы могли посещать группы гостей из соседних клубов или других регионов республики.

По социальному составу члены клуба делились на следующие группы: государственные, советские и партийные работники (представители местной администрации и партийной номенклатуры), интеллигенция (преподаватели сельских школ, врачи, бухгалтеры, инженеры), сельскохозяйственные рабочие. Среди членов клуба выделялась небольшая группа старейшин (мужчины старше 70 лет), которые хорошо толковали нормы обычного права – «Одат» и следили за их соблюдением. Как правило, эти были бывшие педагоги или государственные служащие.

В новых больших мужских клубах часто обсуждались экономические вопросы, важные для совхоза, а иногда – и всего района (когда речь шла об итогах социалистического соревнования между совхозами). Часто клубы посещали лекторы общества «Знание», которые читали лекции об общественно-политической ситуации в мире, в СССР, в республике, проблемах социально-экономического развития данного региона и т.д. Главная задача этих лекторов заключалась в пропаганде основополагающих принципов и установок Коммунистической партии и советского правительства во всех сферах жизни народа. Клубы иногда посещали депутаты местных народных советов, которые рассказывали о своей деятельности и получали наказы от избирателей. В период выборов в советы более высоких уровней клубы могли посетить депутаты областного или республиканского Совета народных депутатов. Информант Таллох (76 лет, бывший преподаватель истории школы №2 Комсомолабадского района) рассказал в этой связи интересную историю. В 1978 году его сын по имени Сангак (25 лет, преподаватель начальных классов той же школы) женился на доярке «Племсовхоза», которую звали Ороста Саттарова. Через несколько лет она стала депутатом Верховного Совета СССР. Когда во время предвыборной кампании Ороста посещала местные мужские клубы, это вызвало недовольство всего мужского населения региона: то был

первый случай, когда женщина заходила в мужской клуб.

Вопросы общеобразовательной системы обсуждались в новых клубах еще более широко, чем в старых. Это было связано с тем, что в новом клубе можно было встретиться в неофициальной обстановке со всеми преподавателями (мужчинами) не только местной, но и соседней школы, включая ее директора. Отцы могли задавать любые вопросы не только учителям своих детей, но и соседней школы и получать на них исчерпывающие ответы. Обсуждались, прежде всего, проблемы посещаемости, успеваемости и поведение детей не только в школе, но и в местном социуме в целом. Во время жарких споров критике могли подвергаться как родители, так и преподаватели. Камил Хаятов (65 лет, бывший преподаватель начальных классов средней школы №1 Гармского района) вспоминал, что в начале 70-х гг. он вместе со всеми преподавателями местной школы посещал новый большой клуб в районном центре Гарма. Преподавательница русского языка и литературы Нина Николаевна часто писала жалобные или хвалебные письма о своих учениках и ученицах и передавала их через кого-то из коллег-мужчин в клуб. Директор или кто-то из преподавателей эти письма переводил на таджикский и читал вслух.

В отличие от традиционных небольших клубов, в новых просторных мужских клубах проводились основные мероприятия, приуроченные к календарным праздникам. На огороженных участках клубов организовывались представления местных театральных трупп или гастролирующих музыкальных коллективов для всего населения (детей, подростков, женщин и мужчин всех возрастных групп). Там же проводились традиционные спортивные игры, если площадь территории при клубе это позволяла. Пир-Мухаммед (67 лет, бывший механизатор) из населенного пункта Сари-Пул Гармского района рассказывал, что площадь перед их клубом была огромная (больше 1 га.). Все 70-е и 80-е гг. торжественные мероприятия, связанные с проведением основных праздников, проводились при их клубе. Поэтому во время больших праздников огромное количество людей съезжалось к ним из соседних деревень.

Свадебная церемония у горных таджиков, как правило, длится не менее трех дней. Во всех населенных пунктах Каратегинской долины с начала 70-х гг. вошло в моду отмечать второй день свадебной церемонии (самая торжественная часть) на

территории новых клубов. Поскольку в свадебной церемонии участвовали почти все жители деревни, праздничный обед и ужин, сопровождавшийся театрализованным представлением, организовывались на территории при клубе. Следует отметить, что во время всех этих событий (праздников, свадеб, поминок и т.д.) вход в здание самого клуба категорически был запрещен для детей, подростков (до 18 лет) и женщин (всех возрастов). Однако были исключения из правила. Об одном случае, когда женщина-депутат посещала мужские клубы, мы уже упомянули. Также если в семье члена клуба что-либо случалось, то за ним в клуб могли послать кого-то из детей (но обязательно мальчика).

Советская власть, уничтожив все мечети и религиозные центры в горных районах республики, вынудила религиозных деятелей (имамов, мулл и их последователей) уйти в подполье. В 60-е и 70-е гг. повсеместно создавались небольшие тайные школы – «хуфия» («тайные» в переводе с арабского), где в группах от 5 до 20 человек изучали Коран, сунны и хадисы (история жизни и деятельности пророка Мухаммеда), основы шариата (исламского законодательства), труды исламских философов и поэтов (последователей течения суфизма – Мавлави, Хафиза, Бедила и др.). Ученики этих школ днем ходили в обычную общеобразовательную школу, а по вечерам несколько раз в неделю собирались в доме своего духовного учителя. Повзрослев и став членами мужских клубов, эти ученики постепенно несли свои религиозные идеи в массы. Чтобы избежать преследования со стороны местной власти, учителя тайных школ (муллы) посылали своих учеников на учебу на летние каникулы или по окончании средней школы на юг республики в Кургантюбинскую область в другие религиозные школы. В 70-е и 80-е годы во многих районах Кургантюбинской области действовало в подполье огромное количество тайных религиозных школ. Эти школы функционировали круглый год. Количество предметов, изучавшихся в этих школах, было гораздо больше, чем в предыдущих небольших школах. Многие ученики этих школ выучили наизусть весь Коран и стали «кори» (истинный знаток Корана). Отрабатывались до совершенства техники голосового чтения Корана, которые были необходимы для совершения «азона» (громкое чтение некоторых сур Корана перед началом коллективного намаза). Больше степени в этих школах изучали нормы шариата.

Для полноты картины кратко изложим сообщения трех наших информантов-выпускников этих школ. Хак Мирзо (1965 года рождения, уроженец села Самсолык, Комсомолабадского района, сельскохозяйственный рабочий) впервые стал посещать тайную религиозную местную школу, будучи ребенком 5-6 лет. Школу организовал его дед Мулло Мирзо в начале 70-х гг. Когда в 1972 году Хак Мирзо пошел в 1-й класс средней школы №2 села Самсолык, он уже свободно читал и по книге и наизусть на арабском «Хафтьяк» (сборник сур, составляющий 1/7 часть Корана). Когда ему исполнилось 14 лет, бабушка на время летних каникул отправил его на учебу в Кабадиянский район Кургантюбинской области в большую «хуфию» известного в религиозных кругах муллы Абдуладжана. Учебу в ней Хак Мирзо продолжил и по окончании средней школы в 1982 году. В 1985 году он выучил наизусть Коран и стал «кори». Когда он вернулся в родное село, то создал в нем собственную «хуфию».

Другой информант, Абу Муслим (1958 года рождения, уроженец населенного пункта Кальназар Комсомолабадского района, электрик), рассказывал, что в местную «хуфию», которую организовал мулла Зайнал Обиддин, он начал ходить еще в шестилетнем возрасте. В 10 лет, после успешного изучения «Хафтьяка» и Корана, он приступил к изучению трудов религиозных философов-последователей суфизма. В 17 лет, когда он оканчивал среднюю школу, Абу Муслим успешно занимался «тафсиrom» (переводом и комментированием Корана). В 1979 году после окончания душанбинского электротехнического училища вернулся в родное село, стал работать электромонтером и продолжал в подполье свою религиозную деятельность. В 80-е годы вместе со своим бывшим учителем мулла Зайнал Обиддином разрабатывал основные концепции современного варианта «ваххабизма» в Каратегинской долине. Свои религиозные идеи часто пропагандировал в перестроечные годы в местных клубах.

Муллу Абдулло (1954 года рождения, уроженец села Хаит Гармского района, сельскохозяйственный рабочий) рассказывал, что когда ему было 3 года, его семья переехала в Кургантюбинскую область в Шартузский район. Местную «хуфию» начал посещать с 8 лет. Стал «кори» в 13 лет. В 18 лет создал первую «хуфию» у себя в районе. Его ученики хорошо изучали истории жизни пророка Мухаммеда и 4-х основных его последователей-праведных халифов

(Абу Бакра, Умара, Усмана и Хайдара). В 80-е годы он резко выступал против многих норм обычного права – «одата» – в области похоронно-поминальной и свадебной обрядности, которые, по его мнению, противоречили основным нормам шариата истинного, фундаментального ислама.

По словам многих наших информантов, в начале 80-х гг. значительная часть тайных религиозных школ Кургантюбинской области и Каратегинской долины уже напрямую финансировалась и снабжалась религиозной литературой из зарубежных исламских государств (Саудовской Аравии, Иордании, Катар, Кувейт, Пакистан, Иран и т.д.). Бывшие ученики этих школ в годы перестройки открыто высказывали свои религиозные взгляды в мужских клубах. Они добились от властей официального разрешения на проведение коллективных намазов в клубах. В конце 80-х гг. помимо утреннего, дневного и вечернего коллективного намаза в клубах также совершались большие пятничные намазы под руководством муллы. Таким образом, светские мужские клубы советского образца постепенно трансформировались в мечети и религиозные центры.

В начале 1990-х гг. общественно-политическая и духовная роль мужских клубов, как в горных, так и в остальных регионах республики сильно возросла. В годы гражданской войны в Таджикистане многие мужские клубы становились центрами распространения «ваххабизма», призывающего к свержению существующей государственной власти и построению исламского государства на территории республики. В ходе гражданской войны эти идеи частично и временно (март – декабрь 1992 года) были реализованы. Вооружившись идеями «ваххабизма» Исламская партия возрождения Таджикистана (ИПВТ) совместно с Демократической партией Таджикистана (ДПТ) фактически контролировала власть в столице и многих горных районах республики.

Изучая проблему мужских клубов в горных припамирских районах Таджикистана, мы натолкнулись на другую, более серьезную историко-этнологическую проблему – возникновения и становления среднеазиатского варианта «ваххабизма» и в дальнейшем его распространения на всем пост советском пространстве. Однако исследование этой проблемы выходит за рамки проблематики данной главы.

Изучая эту мужские клубы, мы также убедились в том, что и сегодня общественно-политическая активность основного мужского населения республики

(старше 18 лет) напрямую связана с существованием этих клубов по всей республике. Мужские клубы, по сути, являются своеобразным барометром (индикатором) общественно-политической и этнокультурной жизни всего таджикского народа.

Сегодня таджикское общество четко разделено на четыре основные этно-региональные группы: гармцы, памирцы, ходжентцы и кулябцы. Придя к власти после гражданской войны, кулябский этно-региональный клан полностью не контролирует общественно-политическую ситуацию во всей республике, особенно в ее горной части. В отличие от советской власти, нынешняя власть не в курсе событий, происходящих в том или ином мужском клубе. На этом фоне наблюдается общественно-политическая активность и независимость многих мужских клубов. Именно в клубах сегодня многие жители республики свободно высказывают свое мнение, обсуждая те или иные проблемы. Члены многих мужских клубов подвергают критике нынешнюю власть

за недостаточные экономические реформы, за наличие многих проблем в области пенсионного обеспечения, здравоохранения, общеобразовательной системы и т.д. Именно здесь люди выражают свое недовольство против кадровой политики центральной власти, учитывающей, прежде всего, интересы кулябской этно-региональной группы.

В последние годы во многих мужских клубах идеология исламских фундаменталистов более не пропагандируется. Подавляющее большинство членов мужских клубов ныне не разделяет радикальных взглядов ваххабитов. Многие клубы постепенно возвращаются к прежней светской жизни. Горькие уроки гражданской войны научили людей жить по-иному. В некоторых клубах идет процесс формирования новых оппозиционных сил демократической направленности. В будущем этнополитическая ситуация в таджикском обществе и экономическое развитие страны во многом будет зависеть от совместных координированных действий этих сил.

Библиография

1. Андреев М.С. По этнографии таджиков// Таджикистан(общество для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами). – Ташкент. 1925. – Кн.1. – С.163 – 165.
2. Андреев М.С. По этнологии Афганистана. Долина Панджшир. (Материалы из поездки в Афганистан в 1926 году). – Ташкент, 1927. – С. 164 – 165.
3. Андреев М.С. Таджики долины Хуф. Изд. АН Тадж. ССР, Сталинабад, 1953. – Вып. 1. – С. 117 – 119.
4. Арандаренко Г. А. Дарваз и Каратегин// Военный сборник. – С. – Петербург, 1883. – №12. – С. 319.
5. Гинзбург В. В. Горные таджики// ТИАЭА АН СССР. – М.; Л., 1937. – Т. 16. – С. 23 – 24.
6. Кисляков Н. А. Следы первобытного коммунизма у горных таджиков Вахио-Боло// ТИАЭА АН СССР. – М.; Л., 1936. – Т. 10. – С. 104 – 106.
7. Кисляков Н. А. Очерки по истории Каратегина. – Сталинабад, 1954. –С. 103.
8. Кисляков Н. А. Семья и брак у таджиков// КСИЭ АН СССР. – М., 1958. – Т. 30. – С.26, 89.
9. Кисляков Н. А. Аловхона – «дом огня» у таджиков // Основные проблемы африканистики: К 70 – летию члена-корреспондента АН СССР Д. А. Ольдерогге. – М., 1973. –С. 88.
10. МоногароваЛ.Ф. Материалы по этнографии язгулемцев//Среднеазиатский этнографический сборник. – Вып.2 «Труды ИЭ АН СССР». – Т. 17. – С. 54.
11. Нурджанов Н. Х. Таджикский народный театр. – М., 1956. – С. 56.
12. Писарчик А. К. Жилище/Таджики Каратегина и Дарваза. – Душанбе: Дониш, 1970. – С. 19 – 115.
13. Писарчик А. К. Смерт. Похороны/Таджики Каратегина и Дарваза. – Душанбе: Дониш, 1976. – 118 – 164.
14. Рахимов Р. Р. «Мужские дома» в традиционной культуре таджиков/АН СССР, Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. – Л.: Наука, Ленингр. Отд-ние, 1990. – С. 7, 16, 134.
15. Рахимов М. Некоторые результаты работ во время Гармской этнографической экспедиции 1954г. // Изв. АН Тадж. ССР. – №10 – 11.- Сталинабад, 1956.
16. Рахимов М. Земледелие таджиков бассейна р. Хингоу.- Сталинабад, 1957.
17. Рахимов М. Пережитки древних верований в современном быту таджиков Каратегина и Дарваза. Материалы второго совещания археологов и этнографов Средней Азии. – М.,Л., 1959г.

18. Снесарев Г.П. Традиция мужских союзов в ее позднейшем варианте у народов Средней Азии//МХЭ. – Вып. 7. – М., 1963. – С. 170.
19. Хамиджанова М.А. Материальная культура таджиков до и после переселения на вновь орошенные земли. – Душанбе, 1974. – С. 25 – 26.

References (transliteration)

1. Andreev M.S. Po etnografii tadjhikov// Tadjhikistan(obshchestvo dlya izucheniya Tadjhikistana i iranskikh narodnostey za ego predelami). – Tashkent. 1925. – Kn.1. – S.163 – 165.
2. Andreev M.S. Po etnologii Afganistana. Dolina Pandzhshir. (Materialy iz poezdki v Afganistan v 1926 godu). – Tashkent, 1927. – S. 164 – 165.
3. Andreev M.S. Tadjhiki doliny Khuf. Izd. AN Tadjh. SSR, Stalinabad, 1953. – Vyp. 1. – S. 117 – 119.
4. Arandarenko G. A. Darvaz i Karategin// Voennyi sbornik. – S. – Peterburg, 1883. – №12. – S. 319.
5. Ginzburg V. V. Gornye tadjhiki// TIAEA AN SSSR. – M.; L., 1937. – T. 16. – S. 23 – 24.
6. Kislyakov N. A. Sledy pervobytnogo kommunizma u gornyx tadjhikov Vakhio-Bolo// TIAEA AN SSSR. – M.; L., 1936. – T. 10. – S. 104 – 106.
7. Kislyakov N. A. Ocherki po istorii Karategina. – Stalinabad, 1954. –S. 103.
8. Kislyakov N. A. Sem'ya i brak u tadjhikov// KSIE AN SSSR. – M., 1958. – T. 30. – S.26, 89.
9. Kislyakov N. A. Alovkhona – «dom ognya» u tadjhikov // Osnovnye problemy afrikanistiki: K 70 – letiyu chlena-korrespondenta AN SSSR D. A. Ol'derogge. – M., 1973. –S. 88.
10. MonogarovaL.F. Materialy po etnografii yazgulemtsev//Sredneaziatskiy etnograficheskiy sbornik. – Vyp.2 «Trudy IE AN SSSR». – T. 17. – S. 54.
11. Nurdzhanov N. Kh. Tadjhikskiy narodnyy teatr. – M., 1956. – S. 56.
12. Pisarchik A. K. Zhilishche/Tadjhiki Karategina i Darvaza. – Dushanbe: Donish, 1970. – S. 19 – 115.
13. Pisarchik A. K. Smert. Pokhorony/Tadjhiki Karategina i Darvaza. – Dushanbe: Donish, 1976. – 118 – 164.
14. Rakhimov R. R. «Muzhskie doma» v traditsionnoy kul'ture tadjhikov/AN SSSR, In-t etnografii im. N. N. Miklukho-Maklaya. – L.: Nauka, Leningr. Otd-nie, 1990. – S. 7, 16, 134.
15. Rakhimov M. Nekotorye rezul'taty rabot vo vremya Garmskoy etnograficheskoy ekspeditsii 1954g. // Izv. AN Tadjh. SSR. – №10 – 11.- Stalinabad, 1956.
16. Rakhimov M. Zemledelie tadjhikov basseyna r. Khingou.- Stalinabad, 1957.
17. Rakhimov M. Perezhitki drevnikh verovaniy v sovremennom bytu tadjhikov Karategina i Darvaza. Materialy vtorogo soveshchaniya arkheologov i etnografov Sredney Azii. – M.,L., 1959g.
18. Snesarev G.P. Traditsiya muzhskikh soyuzov v ee pozdneyshem variante u narodov Sredney Azii//MKhE. – Vyp. 7. – M., 1963. – S. 170.
19. Khamidzhanova M.A. Material'naya kul'tura tadjhikov do i posle pereseleniya na vnov' oroshennye zemli. – Dushanbe, 1974. – S. 25 – 26.